

Роман Любарський. Літературна критика.

Никто не сможет получить без веры.

Никто не сможет дать без любви.

Как учит Цицерон, дом, в котором нет книги, подобен телу, лишённому души.

Но как быть, если в ваш дом попадает книга с изъяном, хотя и названная в Инете одним из читателей украинским «Кодом Да Винчи»?

Отрекомендована она так, вероятно, не случайно. Уверен, это PR-ход, который зарабатывает баллы автору и повышает спрос покупателей. То есть работает и на издателя.

Издатель, естественно, заинтересован получить как можно больше положительных оценок. А поскольку издатель и организатор конкурса на лучшую рецензию этой книги –одно учреждение, то она рецензия предполагает установку на благостность и комплиментарность.

Чего я себе позволить не могу.

Ещё тридцать лет назад талантливый литературовед и пушкинист Дмитрий Благой, отметил, что «в отличие от советского периода сегодня исторические романы пишут чаще всего безызвестные авторы – история тоже поставлена на поток». (Здесь, я полагаю, подразумевается не столько степень популярности, сколько уровень художественного мастерства литератора.)

Не знаю, стоит ли причислять Николая Хомича к этой категории, ведь он автор уже нескольких книг. А новый роман «Пространство "X" или территория лжи», выпущенный журналом «Радуга», был даже отмечен как лидер продаж на нескольких книжных ярмарках 2014 года.

Впервые киевский педиатр Н.Хомич заявил о себе как о литераторе в 2011 году, выпустив в харьковском издательстве «Фолио» сборник повестей, рассказов и автобиографических очерков «Ночь Русалки». Через три года на портале favor.com.ua он решил посвятить читателей в тайну своего рукоположения в писатели (цитирую с сохранением стиля и пунктуации): «Желание писать возникло внезапно. Оно окутано мистикой, а может, напротив, в этом есть некая закономерность недоступная моему пониманию. Дело в том, что путешествуя по Малому Тибету, в Гималаях, высоко в горах, об этом мне поведал астролог. Тогда я улыбнулся, и тут же забыл об этом разговоре. Но вернувшись в Киев, меня будто озарило – я стал писать».

Так о чём всё же поведал астролог, путешествуя высоко в горах? О том, что желание писать возникнет внезапно и станет закономерностью, недоступной пониманию автора?

Ладно, «проехали»...

Но ладно ли?!

Хотел было я поначалу оставить эти несуразности грамматики и корявости стиля без особого внимания, но беда в том, что подобные «родимые пятна» довольно часто проступают и на теле предложенного для рецензирования романа.

Итак, «Пространство "X" или территория лжи» (издательство «Радуга», Киев, 2013).

По многим признакам эта книга является одной из модификаций жанра исторического романа. Как известно, это гибридный жанр, объединяющий два начала – литературу и историю. И если с историей в нём всё более или менее благополучно, то с литературой, увы...

Появление такого романа связано, прежде всего, с новой волной интереса к давним историческим процессам, с углублением их осмысления и объективностью их оценок, особенно в связи с передёргиваниями и подтасовками коварного «Русского медведя»; с повышением уровня философского и психологического осмысления явлений истории; с увеличением внимания к духовным ценностям и нравственным критериям наших предков. А ещё (что немаловажно) – с новейшими исследованиями и открытиями в генетической науке.

Благодаря последним существует предположение, что каждый шестой украинец имеет в крови хромосому, роднящую его с варягами. О чём говорят, пишут, дискутируют, снимают фильмы уже в течение десяти лет. Поэтому тема, положенная в основу главной интриги романа, для искущённого читателя не кажется уже экзотической, резонансной, а воспринимается вполне спокойно. Поскольку к скандинавам генетически мы имеем такое же отношение, как к трипольцам, ариям или арабам.

Продолжая традицию своих предшественников в этом жанре (Б. Васильев, Д. Балашов, В. Пикуль, В. Личутин, П. Паламарчук, Ю. Винничук и др.) изображать эпохальные конфликты между судьбой народа и властью предержащими, вечные, субстанциональные конфликты между добром и злом, гуманизмом и деспотизмом, а также парадигмы психологического плана, Н. Хомич кладёт в основу сюжета почти полувековой период истории Киевской Руси, что связан с княжением Владимира и Ярослава. Но при этом устами одного из персонажей в начале романа предупреждает: «Если вас ... интересует история Киевской Руси, читайте лучше скандинавские саги, из них вы больше узнаете о том, что было на самом деле, нежели из отечественных исторических летописей». Таким образом, автор подчёркивает, что не думал писать историю ради истории, а в его романе на первый план выходят коллизии морально-нравственного, психологического свойства.

Микшируя историческую хронику и любовную драму, перемещая читателей и героев из одной эпохи в другую (из Киева 2012 года в Киев, Чернигов или Новгород начала XI века и назад, а оттуда, например, в Скандинавию того же периода), Николай Хомич использует кинематографический приём «сшибки кадров», известный в литературе как «сталкивание хронотопов». А контрапунктом здесь всегда остаётся любовь и понимание иллюзорности так называемой «исторической правды».

Может, именно поэтому автор не смог прийти к широким эпическим обобщениям, какие предусматривает романная форма. Когда идёт показ Киевской Руси или Скандинавии XI века, исторический фон, костюмы, речь выступают у него лишь средством стилизации, средством создать простейшим способом иллюзию действительности. И это слишком очевидно. Поскольку сделано порой с неряшливостью.

Прежде всего, это касается языка.

Рукопись, которую я получил из «Радуги», оказалась настолько «грязной», что при чтении часто вызывала лишь досаду и раздражение. Если предположить, что это авторский вариант рукописи и автор допускает подачу её в издательство в таком виде, то напрашивается следующий вывод: это свидетельство элементарной неграмотности и наплевательского отношения к редактированию.

Из-за неправильной расстановки знаков возникает путаница в прямой и диалогической речи, смещаются важные акценты. Очень часто авторский голос почему-то вплетается в речь персонажей. Вот, например, отрывок из долгого описания эпизода, когда князь Владимир находится в горьких раздумьях: «Когда же Владимир христианство принял и жениться на Анне — византийской принцессе надумал, пришлось ему

Рогнеду из княжеского дворца за Киев, в сельцо Предславское отселить. Стояло оно на реке Лыбедь, неподалеку от Киева. Узнав об этом, она совсем озверела! С ножом на него набросилась!

Простил он ее тогда. Мол, что с бабы-то возьмешь?»

И ниже: «Так вот и жизнь прошла! И вроде недавно все было. Все воевал, пиры буйные устраивал. **Сколько людейкрутилось вокруг**, а как помирать время пришло, никого рядом нет. Вот разве только Рогнеда ночью придет. — Да подаст мне кто-нибудь, окаянные, пива! — прокричал князь».

«Когда же Владимир христианство принял и жениться на Анне — византийской принцессе надумал...». Это князь сам о себе?! Это ведь он тут размышляет?! Или некий свидетель этих событий? Может, летописец? Или всё же автор? Похоже, последний. Ибо во многих местах употребляет лексику («бабы», «сволочи», «железяка», «точка невозврата») и тональность, совсем не характерную для того исторического времени. Кроме тех мест, где прибегает к прямому цитированию или пересказу скандинавских саг и других летописных источников.

Ещё несколько примеров.

«Если монету рассматривать, как некую привязку ко времени, то это могло произойти в XI веке, — подумал Олег, — во время княжения Ярослава. **Ведь на монете изображен он сам!**». Кто — Олег или Ярослав?

«Олег взглянул на ноги Ирины и ужаснулся: на них не было живого места. «Какая сила заставляет девчонок так издеваться над собой? — подумал он. — Что это, неуемное стремление к красоте? Или же стадное чувство, заставляющее их банально и слепо следовать моде?»

Вот Ольга, — рассуждал он, — с ее «рацио», никогда бы так не поступила!»

Он вновь посмотрел на ноги Ирины — ухоженные, с безупречной депиляцией.

(И тут же без каких-либо переходов, ассоциаций, логических «мостков» или отбивки текста.)

«А может, она права? Попробуй тут разберись?»

Как читатель я недоумеваю: права в чём? В том, чтобы «слепо следовать моде»? Или в том, что сказано пятью абзацами выше: «Ирининский храм, построенный в ее честь Ярославом, есть, а ее самой нет?! Я считаю, что это дискриминация по гендерному принципу!» К тому же, вместо вопросительного знака во втором предложении следовало бы поставить восклицательный.

Следующий пример: «Они ехали целый день и только к вечеру уже в сумерках подъехали к дремучему лесу. Там на большой поляне стоял одинокий дуб, **вокруг которого простиралось широкое поле**». Вам не кажется странным такой пейзаж: дремучий лес, в лесу поляна с одиноким дубом, а вокруг поляны — поле?

Также в тексте романа часто встречаются многословие, длинноты, ненужные повторы и просто не обязательные подробности.

«Работая в **строительной** фирме, специализирующейся на **строительстве** загородного жилья для власть имущих и толстосумов, он так и не раскрыл свой талант, который, безусловно, имел».

«Давай вместе **подумаем!** Как ты **думаешь**, почему Иван разместил свои молитвы именно на этих фресках? Наверняка он сделал это не просто так! И почему он нарисовал ладью? — указала она на фреску Святого Анастасия.

Я **думаю**, все просто! Перед отплытием в Норвегию он здесь молился, вот и нарисовал ее!». Вот тут бы и задуматься автору над синонимической бедностью.

«На ее вопрос: «Почему заморозилось строительство в коттеджных городках?» — Он был вынужден долго оправдываться, причем начинать свои объяснения с глубоких процессов, произошедших в мировой финансово-экономической системе за последние годы». Да, проблема общения с тещей, видимо, требует своего объяснения. Но не в этом романе.

«Просторный парадный подъезд чопорного дома, возведенного специально для проживания в нем чиновников высшего ранга «Укрмясопромтреста», по улице Костельной, № 10, источал невероятные и умопомрачительные запахи чего-то пряного и душистого, без сомнения, запеченного в духовке и не иначе как **принадлежащего к семейству куриных, а если быть точным — к курице домашней бройлерных пород**».

Не уверен, оценит ли читатель этот кулинарный юмор, и в такой ли степени он необходим для отслеживания почти детективной истории. Как и то, какого сорта пиво подпитывало азарт Игоря, Ирины, Олега и Ольги. Хотя, возможно, эта деталь перекликается с острым желанием князя Владимира испить пива.

Также не уверен, следует ли уделять столь пристальное внимание описанию снаряжения, приобретаемого Олегом в магазине «Экстремал», если в финале «выстрелят» лишь ботинки с подошвой «VIBRAM».

Посмотрим далее.

«И они **обстоятельно, очень подробно**, стараясь ничего не упустить, рассказали профессору обо всем том, что произошло с ними в последнее время». («Обстоятельно» – это и есть «очень подробно».)

«К тому же многие из воинов, предчувствуя скорое возвращение домой, **выпили лишнего и были сильно пьяны**». (Аналогично – синонимично!)

Уважаемый автор, из какого века «выплыл» этот образец канцеляризма: «Ведь по их обычаю, того, кто получал в свое распоряжение корабли и возглавлял дружину и к тому же **являлся сыном конунга**, принято было называть конунгом?»

А на каком языке написана вот эта фраза: «Ловко **протянув кредитной карточкой по считывателю терминала...**»? Увы, от русского литературного она так же далека, как красный «Портвейн» от формулы крови.

«Олег невольно вздрогнул, **а профессор не повел и глазом**». Думаю, что Корней Чуковский, прочитав сие речение, ещё раз повторил бы: «У нас нет ни малейшего права потворствовать невеждам, пытающимся ввести в наш язык такие небывалые комбинации слов, которые, не имея за собою незапамятной давности, являются в наших глазах издевательством над самыми элементарными нормами человеческой речи». Почему так? Да потому что автор, разрушив образное устойчивое смысловое сочетание, из двух обломков склеил своё. По-русски правильно писать и говорить: «Не повёл и бровью». Или: «И глазом не моргнул». Уважаемый автор, в Вашем случае это всё равно что «кивать ногой». Хочу Вас ещё раз отослать к достопочтенному Корнею Ивановичу: «”Язык что одежда”, – говорит некий английский лингвист. И действительно, на лыжах не ходят во фраке. Никто не явится в бальную залу, облачившись в замусоленную куртку, которая вполне хороша для черной работы в саду».

Поначалу хотел было назвать эту рецензию «Пространство слова или территория лажи». Но по здравому размышлению понял, что есть в романе (несмотря на языковые ляпы и стилистические казусы) то, что выше всех исторических интриг, философских мудрствований и превратностей сюжета. То, что наиболее удалось автору. Конечно же, это любовь. Любовь во всех её проявлениях. Любовь плотская и возвышенная, греховная и святая. Любовь, которая повелевает королями и принцессами, ратниками и рыцарями. Которая держит мир в равновесии. Которая зовёт к добру и красоте, гармонии и совершенству. И драматизация темы любви особенно сильно проявилась в финале романа.

Конечно, хотелось бы, чтобы он был более «пружинистым», более метафоричным и лучше оркестрован стилистически.

Надеюсь, Николай Хомич учтёт эти пожелания в своей будущей литературной работе. Ибо, надеюсь, его ведёт не просто страсть к писательству, а любовь к слову.

Роман ЛЮБАРСКИЙ.

12 декабря 2014 – 13 января 2015